

Недоступен ни один перевод.

«Все было продажно»

Александр Сергеевич Пушкин был не только гениальным поэтом, но и мудрым и независимым мыслителем. Когда читаешь его статьи и письма, поражаешься точности, краткости и верности формулировок. За краткими тезисами скрываются весьма глубокие и христиански верные мысли. Поэтому их всегда старались и не вспоминать...

Пушкин не любил демократии. Немало страниц своих статей он посвятил развенчанию зарождающейся при нём идеологии либерализма. Когда вокруг всё дворянство обратило свои взоры на Запад, не видя в народном мировосприятии основ для своей культуры, только великий Пушкин видел эту опасность до такой степени, что готов был даже пожертвовать своим творчеством ради снятия с глаз пелены обольщения французским свободомыслием. "Знаете ли Вы, что государь разрешил мне политическую газету, – читаем в письмах 1832 года. – Стихотворений помещать не намерен, ибо и Христос запретил метать бисер перед публикой... Одно меня задевает: хочется мне уничтожить, показать всю отвратительную подлость нынешней французской литературы" (Пушкин А.С. ПСС в 10 т. – М., Наука, 1964. Т. 10. С. 416. В дальнейшем: том и страница).

Лозунг Французской революции – свобода, равенство, братство. Но гениальный Пушкин пророчески видел всю губительность французских идей свободы без Христа. Начало его повести "Арап Петра Великого" – список с нашего демократического времени: "Ничто не могло сравниться с вольным легкомыслием, безумством и роскошью французов того времени... Алчность к деньгам соединилась с жадностью наслаждений и рассеянности; имения исчезали; нравственность гибла; французы смеялись и рассчитывали, и государство распадалось под игривые припевы сатирических водевилей... Потребность веселиться сблизила все состояния... Всё, что подавало пищу любопытству или обещало

удовольствие, было принято с одинаковой благосклонностью. Литература, ученость и философия... являлись угождать моде, управляя ее мнениями".

Поэт видел самую основу либеральной философии, которая "была направлена против господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов, а любимым орудием ее была ирония холодная и осторожная и насмешка бешеная и площадная" (7;312). Он прекрасно осознавал, что эти либеральные ценности проникли и в Россию. Разбирая статью Фонвизина "Разговор у княгини Халдиной", он обращает внимание на "любопытное изображение нравов и мнений, господствующих у нас" в XVIII в. по причине "подражания нравам парижским": "Княгиня бранит служанку, зачем не пустила она гостя в уборную. "Разве ты не знаешь, что я при мужчинах люблю одеваться?" – "Да ведь стыдно", – отвечает служанка" (7;106). Вот все, что принесло на бытовом уровне французское свободомыслие. Сегодня мы значительно продвинулись вперед в этой свободе: княгиня раздевалась в комнате, в наши дни – в телестудиях.

Пушкин дальше продолжает картину новых нравов. Сорванцов "записался в службу, чтобы ездить цугом (на современном языке – на "Мерседесе" – Н.Л.). Он проводит ночи за картами (читай – за компьютером – Н.Л.)... Он чувствует нелепость деловой бумаги и соглашается с мнением прочих (сегодня – это сплошь – Н.Л.)... Он продает крестьян в рекруты, и умно рассуждает о просвещении" (7;107). Пушкин не просто критикует, но показывает причину обольщения либеральной свободой: она дает удовольствия, освобождая от того, чем жила Русь веками – жертвенного служения Богу и отечеству. Без этого все стремятся "на службу, чтобы ездить цугом"...

ДВОРЯНСТВО КАК СЛУЖЕНИЕ

Центральная тема в творчестве Пушкина – роль дворянства в государстве. Сегодня служение осталось лишь в Церкви и в армии. А первоначально дворянство понималось как такое же служение! Выборные власти – это временные наемники. Это не власть, а иллюзия власти, игра во власть, бег по заранее заданному кругу, когда власть – за пределами этого круга, за ширмой. Пушкин очень точно замечает в статье "О дворянстве", что государство "окружает себя преданными наёмниками, и этим подавляется всякая оппозиция и независимость. Потомственность высшего дворянства есть гарантия его независимости; обратное неизбежно связано с тиранией" (8;586). Любому здравомыслящему человеку сегодня видно, что выборная власть – это "деспотизм" толпы, от которой она полностью зависит. Будешь потакать – удержишься, не будешь – потеряешь власть. Поэтому замечание Пушкина точно, как выстрел: избранность устраняет независимость.

"Чины сделались страстию русского народа, – писал поэт. – Того хотел Пётр Великий" (7;43). Именно Пётр стал заменять потомственное дворянство деловитым. Вроде всё правильно, деловые качества нужны. Только после смерти Царя их деловитость стала обращаться на собственное обогащение. Ведь если Бога нет, то все для себя...

"Никогда не разделял я с кем бы то ни было демократической ненависти к дворянству. Оно всегда казалось мне необходимым и естественным сословием великого образованного народа... Я сожалел, видя, как древние роды уничтожались... и как имя дворянина, час от часу более уничиженное, стало наконец, в посмеяние разночинцам... и даже досужим балагурам!... Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим" (7;196), – определяет поэт суть "новых русских дворян". Истинных дворян из-за реформ Петра становилось все меньше, а таких, как Молчалин из "Горе от ума", все больше. Указы Петра III "О вольности дворянства" (1762 г.), "коиими предки наши гордились и коих справедливее должны были бы стыдиться" (8;127), придали аристократии независимость от служения Богу и государству. "Екатерина, – продолжает Пушкин повествование о дворянстве, – унизила дух дворянства". Огромные богатства, накопленные Россией, раздавались уже не только за заслуги перед Богом и Отечеством, но за приближенность к двору, за грехи! "Отселе произошли сии огромные имения вовсе неизвестных фамилий и совершенное отсутствие чести и честности в высшем классе народа... Все было продажно. Таким образом развратная государыня развратила свое государство" (8;128-129), – заканчивает Пушкин рассказ. С 1834 г. определяющую роль в карьере стало играть образование. "Если в дворянство, – рассуждает об этом Пушкин, – можно будет поступать из других сословий, как из чина в чин, ...то вскоре дворянство не будет существовать... Что же значит наше старинное дворянство... с просвещением... и со всеми притязаниями на власть и богатства? Этакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько же их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется много" (8;59-60). Сегодня спрос на образованных разрушителей традиций все возрастает. Их уже армия, которую, кажется, никто не одолеет...

ПЯТАЯ ВЛАСТЬ. ЧИНОВНИКИ.

Уже при Пушкине начались демократические нападки на традиционное понимание служения по совести. "Отчего чернь остервенилась на дворянство? – спрашивает он. – Потому что с некоторых пор дворянство было ей представлено сословием презренным и ненавистным... И честные и добрые писатели были тому причиною! ...Эпиграммы демократических французских писателей приуточили крики "аристократов к

фонарю"; у нас таковые же эпиграммы могут иметь последствия еще пагубнейшие" (7;205,208). Пятая власть уже тогда виделась поэту в своем страшном влиянии.

К пушкинскому времени дворянство все меньше формально связано с долгом государевой службы: структура государства уже со всей очевидностью не совпадает со структурой общества, государство все более становится только аппаратом управления и насилия, а не объединительной формой существования общества на высших христианских идеалах. Характерный пример приводит Пушкин в Дневниках 1934 года: на службу в Вербное воскресенье не явились многие камергеры. "Государь был недоволен и сказал: "Если им тяжело выполнять свои обязанности, то я найду средство их избавить"" (8;46). Тогда еще было кому их избавлять...

Служение Государю стало восприниматься как лакейство, отсталость, невежество. Когда Пушкин вернулся к служению Государю, все дружно бросились его осуждать:

Но только царских щей изведаль,
И стал придворный лизоблюд,
– гуляла такая эпиграмма на него. Но Пушкин на хамские выпады любителей демократических свобод не обращал внимания. Он был выше этого. Хотя предостеречь общество пытался.

"Лет 15 тому назад, – пишет он в статье "О народном воспитании", – воспитание ни в чем не отклонялось от первоначальных начертаний. 10 лет спустя мы увидели либеральные идеи необходимой вывеской хорошего воспитания; литературу, превратившуюся в рукописные пасквили на правительство и возмутительные песни; наконец, и тайные общества, заговоры, замыслы более или менее кровавые и безумные" (7;42). Необходимый спутник демократического общества – бюрократия. Пушкин, хорошо понимая опасность декабризма, призывал дворян "служить отечеству верою и правдою, имея целию искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве" (7;48). Но чиновники делали все, чтобы Царь не смог вернуть былой принцип жертвенного служения Богу, Царю и отечеству, чтобы была возможность им в мутной воде ловить свою богатую рыбу. В николаевскую эпоху даже славянофилы – идеальные консерваторы – были у них на политическом подозрении. "Киреевский, добрый и скромный Киреевский, представлен правительству сорванцом и якобинцем!" (10;406) – восклицает удивленный властью чиновников Пушкин. Консерватизм был понятен чиновникам как прислужничество и не понятен как свободное выражение души. Все славянофилы – ненавистники либерализма и

бюрократии: Царь был для них отцом, а не формальной властью. У Пушкина встречаем свидетельство подобного неформального, отеческого отношения к подчиненным: "Государь долго не производил Болдырева в генералы за картежную игру" (8;111).

Отныне у империи появился страшный враг. Пушкин сказал пока о нем лишь вскользь. Его роль в событиях 1917 года, особенно предшествовавших революции, еще не до конца осознанна. Николай II оказался безоружным против самых страшных врагов – врагов в своих кабинетах... Империя рухнула.

ИСТОРИЯ УЧИТ

История дана нам для того, чтобы понимать лучше настоящее. Параллелей там всегда хватает. В 1811 году граф Жозеф де Местр, французский философ и политик, около 15-ти лет проживший в России, писал своему другу графу Н.П. Румянцеву то, о чем вспоминается теперь при изучении Перестройки: "В совершенно беззащитную Россию явилась вдруг развратная литература XVIII столетия, и первыми уроками французского языка для сей нации были богохульства... Свобода в подобной ситуации действует, как крепкое вино, ударяющее в голову человека, к нему непривычного. По мере освобождения люди окажутся между подозрительными учителями и духовенством, лишенным силы и уважения. Они, несомненно, сразу перейдут от суеверия к атеизму и от нерассуждающего повиновения к необузданной самодеятельности". Нет, перестану-ка я читать газеты, а возьмусь за томик Пушкина – он гораздо современнее наших публицистов, честное слово!

ПОКАЯНИЕ – ПЕРЕМЕНА УМА

Пушкин хорошо знал цену свободомыслию по той причине, что сам прошёл через это увлечение. Но быстро разобрался и стал твёрдым монархистом и традиционалистом.

Граф Струтынский пишет, как Пушкин передал ему разговор с Царем в Чудовом монастыре 18 сентября 1926 года: "Молодость – это горячка, безумие, – говорил Пушкин Царю. – Она ведет к великой глупости, а то и к большой вине. Вы знаете, что я считался революционером, конспиратором, врагом самодержавия. Таков я и был в действительности. Свобода, ничего не признающая ни на земле, ни на Небе; гордыня,

не считавшаяся с традициями и обычаями; отрицание всякой веры в загробную жизнь души, всяких религиозных обрядов – всё это наполнило мою голову соблазнительным хаосом... Мне казалось, что подчинение закону есть унижение, всякая власть – насилие, Царь – угнетатель и что похвально покушаться на него словом и делом. Я не помнил себя от радости, когда мне запретили въезд в столицы и окружили надзором. Я воображал, что стал великим и до чёртиков напугал правительство. Но всему своя пора. Всё ребяческое слетело. И когда я осмотрелся кругом – я понял, что казавшееся доньше правдой было ложью, что любил – заблуждением, а цели – грозили падением, позором! Я понял, что свобода, не ограниченная Божеским законом, о которой красноречиво говорят красноречивые или сумасшедшие, гибельна для личности и общества...»

Пушкин стал открыто порицать французских писателей за вольнодумство. Даже Руссо он считал писателем "безнравственным", ибо идеализировать запрещенные страсти безнравственно. Особенно негодует он на Вольтера, соблазнившего его написать поэму, о "которой он не может вспомнить без краски стыда". Никогда больше не защищал он кумира молодости – Байрона: "Байрон бросил односторонний взгляд на мир и природу человечества, потом отвратился от них и погрузился в самого себя" (7;52).

Пестель для него – слепой фанатик. "Думы" Рылеева называл дрянью и шуточно говорил, что их название от немецкого "думм" – дурак (10;149). "Русского нет в них ничего, кроме имен", – пишет он. Говоря о неблагодарности в письме жене, Пушкин вскользь замечает: "Это хуже либерализма" (10;506). Сегодня бы юмор Пушкина не оценили...

ХЛЕБА И ЗРЕЛИЩ!

Из Декларации Прав человека и гражданина Французской революции:

5. Закон может запрещать только те действия, которые наносят ущерб обществу...

6. Закон есть выражение Общей воли.

10. Ни один человек не может преследоваться за его убеждения, даже за религиозные убеждения, если только они не угрожают общественному порядку.

Как видим, теперь добро уже не есть абсолютно, но создается группой людей и навязывается остальному обществу, якобы в его же интересах. Добром является только то, что служит обществу (заметим – демократическому!) В эпоху Французской революции выкристаллизовалась формула "Народ никогда не ошибается". Пушкин думал иначе: "У французов Вильон воспевал в площадных куплетах кабаки и виселицу и почитался первым народным поэтом!" (7;309).

Но возникает вопрос: чем лучше самовластие одного человека самодурства группы? Если один ошибается, группа – не может? Вспомним хотя бы нацистов Германии. Хорошо спрятаться за общественное мнение, им оправдывая свои заблуждения, похоти, властолюбие, тщеславие и т.п. Легитимировать грех, оправдывая себя: "Все побежали, и я побежал". Этой легитимностью заглушить голос совести. Общеизвестно, что в толпе человек ведет себя гораздо раскрепощеннее, делает часто то, что наедине сам с собой никогда не сделал бы. Именно для этого нужна демократия. Да, мне стыдно это делать; да, наши предки это не делали; да, совесть иногда точит меня за это – но ведь это теперь признают и делают ВСЕ! Значит, это нормально. Абсолютные законы Творца заменяются законом толпы.

Зависеть от властей,
Зависеть от народа,
Не все ли мне равно?
– вздыхает мудрый Пушкин.

В "Борисе Годунове" боярин Пушкин откровенно объясняет источник силы Самозванца:

«Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?... А мнением, да! мнением народным».

Пушкин на этот вызов демократии ответит предельно просто и ясно: как поэт, так и правитель должен "исполниться волею Моей" (Господней), а не демократическим общественным законом. Мнение народное – лишь прикрытие. У Пушкина читаем даже такое смелое высказывание: "Петр I...презирал человечество, может быть, более, чем Наполеон" (8;126). Принимая экономические достижения Петра, поэт тем не менее не забывал о главенстве ответа перед Небом: а с этих позиций цена прогресса несопоставима с делом спасения души своих сограждан.

В стихотворении "Клеветникам России" (1831) поэт противопоставляет православной монархической России всё более дехристианизирующуюся и языческую по своему духу наполеоновскую Европу:

Безмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага
И ненавидите вы нас.
За что ж? – ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли,
Того, пред кем дрожали вы?

ПРИВАТИЗАЦИЯ

Как известно, при Екатерине II из 954 монастырей было закрыто 754, а огромная часть монастырских угодий роздана в дар фаворитам. До сих учебники по истории любят подчеркнуть огромные богатства Церкви и разумное решение государства эти земли и богатства национализировать, не утруждая себя попыткой узнать, а куда ушли эти богатства. Если бы народу! Увы, и в той далекой "приватизации" большинство было разбазарено фаворитами, "расхищенное любовниками" (8;). Пушкин, замечает о Екатерине кратко, но емко: она "угождала духу времени" (8;130).

"Поймите же то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европою; что история её требует другой мысли, другой формулы..." (7;144), – кричит нам Пушкин из толщи времен. Но голос его не слышен... Законничество Запада – следствие его уклонения от истинного христианства. Нам их путь не подходит. "Прочтите жалобы английских фабричных рабочих: волосы встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений!... И заметьте, все это есть не злоупотребления, но происходит в строгих пределах закона....У нас нет ничего подобного" (7;290).

И вновь тонкое замечание: на Западе беззаконие осуществляется в "пределах закона", как сейчас эвтаназия, однополые браки, легкие наркотики и т.п. Мы же, решая задачу, например, гей-парадов, исходим не из международных законов, а из понимания

греховности. И так во всем.

ЦЕНзуРА

Больше всех Пушкин обрушился на первое из либеральных прав, начинающее пробивать себе дорогу ещё во времена Пушкина, – свободу печати. Он повсеместно защищает цензуру.

"Цензура есть установление благодетельное, а не притеснительное; она есть верный страж благоденствия частного и государственного" (7;409) – сказано, как для учебника.

"Никакая власть не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда. Уважайте класс писателей, но не допускайте же его овладеть вами совершенно! ...Разве речь и рукопись не подлежат закону? Всякое правительство вправе не позволять проповедовать на площадях, что кому в голову придет... Закон не только наказывает, но и предупреждает. Это его благодетельная сторона" (7;300-301). Логика железная: государство должно следить за соблюдением норм, в том числе и нравственных.

"Один из великих наших сограждан сказал однажды мне, что если у нас была бы свобода книгопечатания, то он с женой и детьми уехал бы в Константинополь. Неуважение к чести граждан и удобность клеветы суть один из главнейших невыгод свободы печати" (7;201), – добавляет поэт. Как все-таки хорошо он понимал суть демократических институтов! "Удобность клеветы" приводит к тому, что к власти приходят те, кто лучше умеет оклеветать, кто готов перешагнуть через это, кто имеет дерзость, для кого ничего святого не существует и не останавливает. И наоборот, при такой системе скромность и кротость тут же будут подавлены и выжаты из общественного поля.

Пушкин четко разделял, что должно защищаться цензурой: "противное вере, правительству, нравственности и чести личной" (7;409). Как видим, на первом месте – вера, далее – государство и личность.

МОРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

Демократия – это власть законов. Но не моральных и нравственных! "Начал я писать с 13-летнего возраста, – жалуется Пушкин. – Многое желал бы я уничтожить. Иное тяготеет, как упрек, на совести моей. По крайней мере не должен я отвечать за перепечатание грехов моего отрочества... Г-н Ап. не имел никакого права располагать моими стихами и отсылать стихи, преданные мною забвению. Или написанные не для печати или которые простительно мне было написать на 19 году, но непростительно признать публично в возрасте степенном» (7;189). Действительно, где грань дозволенного? Без согласия автора печатают его ранние, греховные стихи! Останавливать должно чувства ответственности, долга, веление совести, страх Божий. При либеральном подходе все это выбрасывается на свалку. И вот уже наперебой все издатели стремятся найти у классиков все, что будет иметь шумный, скандальный успех у главного законодателя либералов – толпы. Самих авторов никто не спрашивает, их права (о которых так любят лицемерно рассуждать либералы!) грубо попираются. Либералы рассуждают: для этого есть суд, законы, пусть решают через судебные тяжбы. Но Пушкин за нарушение его авторских прав подать на них в суд не может. А Суд Божий они не признают. Отсюда результат: печатают ВСЁ без стеснения и зазору совести! Демократия!

"Мы все еще думаем: как может быть это быть глупо или несправедливо? Ведь это напечатано!" (7;190), – возмущается Пушкин деспотизму общественного мнения.

Почему либеральная пресса была так озлоблена на цензуру к 1900-му году? Цензура не давала развернуться пошлости, критиканству, популизму в СМИ, а значит, серьезно мешала их доходности, их власти над толпой. Деньги и власть черни – два божка либерализма вступили в противоречие с принципом цензуры. После Манифеста 1905 г. цензуру упразднили... Теперь каждый недоучившийся студент считал своим долгом обсмеять Россию, Церковь, Отечество, Государя и "немецкую шпионку" Царицу. Либеральный печатный станок бил без промаха. Революцию было уже не остановить...

ЧЕРНУХА

Пушкин приводит пример наступления либерализма в литературе. "Французские журналы извещают нас о скором появлении "Записок Самсона, парижского палача". Этого должно было ожидать. Вот до чего довела нас жажда новизны и сильных

впечатлений. После соблазнительных Исповедей философии XVIII в. явились политические, не менее соблазнительные откровения. Мы не довольствовались видеть людей известных в колпаке, мы захотели последовать за ними в их спальню и далее. Когда нам и это надоело, явилась толпа людей темных с позорными своими сказаниями. Но мы не остановились на безстыдных записках Казановы... Мы кинулись на плутовские признания полицейского шпиона... Поэт Гюго не постыдился в нем искать вдохновений для романа, исполненного грязи. Недоставало палача... Наконец и он явился, и к стыду нашему скажем, что успех его "Записок" кажется несомнительным. Не завидуем людям, которые, основав свои расчеты на безнравственности нашего любопытства, посвятили свое перо"... (7;104-105). Снова точные формулировки поэта. "Расчеты на безнравственности нашего любопытства" объясняют высокие рейтинги развратных передач сегодня. А ведь именно рейтингами оправдываются авторы "Школы" и "Дома-2".

"Представьте себе человека без имени и пристанища, живущего ежедневными донесениями,...отъявленного плута, столь же безстыдного, как и гнусного, и потом вообразите себе, если можете, что должны быть нравственные сочинения такого человека" (7;147). Обратим внимание, Пушкин не пишет о пользе информации, которую сообщит обществу этот новый герой (как нас убеждает министр, оправдывая "Школу"), а заботится о "нравственном" результате! У нас же никто о нравственном влиянии "чернухи" не говорит. Даешь свободу информации! А то, что она убивает, об этом не принято вспоминать.

Далее Пушкин развивает интересную мысль об этом палаче-сочинителе: "Видок в своих записках именуется патриотом... Он приходит в бешенство, читая неблагоклонный отзыв журналистов... Он... пишет на своих врагов доносы, обвиняет их в безнравственности и вольнодумстве, и толкует (не в шутку) о независимости мнений..." (7;148). Еще одно гениально прозрение! Все эти сторонники либеральных свобод трубят о своем патриотизме! Не о благочестии, а о, якобы, заботе о государстве и народе, который они расстреливают своими "независимыми мнениями". Только сегодня они обвиняют уже своих противников не в "безнравственности и вольнодумстве", а в экстремизме и фашизме.

Далее Пушкин спрашивает нас: "Предлагается важный вопрос: сочинения шпиона Видока, палача Самсона и проч. не оскорбляют ли господствующей религии, ни правительства, ни даже нравственности; со всем тем нельзя их не признать крайним оскорблением общественного приличия. Не должна ли гражданская власть обратить мудрое внимание на соблазн нового рода?" (7;148). Зачем нужно государство, которое не охраняет своих граждан от "оскорбления общественного приличия"? Если деньги украли – тюрьма, а если правду, чистоту и честь – награда?

США

И даже хваленые Соединенные Штаты наш Пушкин не обошёл стороной и успел несколько строк посвятить новому демократическому государству. "С изумлением увидели демократию в её отвратительном цинизме, – пишет Александр Сергеевич, – в её жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, безкорыстное, все возвышающее душу человеческую – подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству; большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному остракизму; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой: такова картина Американских Штатов" (7;435).

ЕГЭ и ШКОЛА

И даже такой плод демократии, как ЕГЭ, Пушкин предостерегал в наступающей идеологии либерализма. "Указ об экзаменах, мера слишком демократическая и ошибочная, – пишет он, – ибо она нанесла последний удар просвещению... А так как в России всё продажно, то и экзамен сделался новой отраслью промышленности для профессоров. Он походит на плохую таможенную заставу, в которой старые инвалиды пропускают за деньги тех, которые не умели проехать стороною" (7;45). Вот такое мнение классика, господа!

Пушкин много внимания уделял вопросам образования и школы. Как всегда, поражает современность его взглядов. "К чему латинский или греческий? – спрашивает он у школы, не желающей изучать основы своей веры. – Позволительна ли роскошь там, где чувствителен недостаток необходимого?" (7;47). Да, поэт не видел наших школьных программ, забитых "роскошью" экономики, права, ОБЖ, выжимающих на обочину "необходимое" – знания о России посреди России. "Россия слишком мало известна русским... Изучение России должно будет преимущественно занять умы молодых, готовящихся служить отечеству верою и правдою..." (7;48), – призывает Пушкин к нашим составителям программ. Но, увы, либералам это – смерть...

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ АНЕКДОТ

Еще один анекдот из времен восходящей зари либерализма. Яркий и поучительный. "В одной газете (почти официальной) сказано было, – обсуждает Пушкин современное ему СМИ, – что мой прадед, крестник и воспитанник Петра Великого, наперсник его, генерал-аншеф и проч. – был куплен шкипером за бутылку рому. Прадед мой если был куплен, то, вероятно, дешево, но достался он шкиперу, коего имя всякий русский произносит с уважением и не всуе. Простительно выходцу не любить ни русских, ни России, ни истории ее, ни славы ее. Но не похвально ему за русскую ласку мараить грязью священные страницы наших летописей, поносить лучших граждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцев" (7;182), – грозно звучит голос русского поэта из толщи веков. Ну что, кажется, еще добавить к этим проникновенным строкам? Как еще объяснить нашим голосующим за демократическую Россию (против Пушкина) гражданам, что лжепатриотизм "издевающихся над гробами праотцев", "марающих грязью" "священные страницы" Святой Руси ничего общего не имеет с любовью к Богу и ближнему? Как мы дошли до того, что "народные избранники" продвигают ювенальную юстицию, половое воспитание в школах, ничего не могут сделать с развратом на ТВ и десять лет (!) обсуждали необходимость Основ православной культуры в школе, до сих пор защищая предмет "Религии мира"? Что Общественная палата Госдумы, как мальчикам, выговаривает профессорам МГУ за пропаганду в учебнике "России и славы ее", кстати, гораздо скромнее Пушкина?!

РАЗВРАТ – ОРУДИЕ ЛИБЕРАЛИЗМА

"Безнравственное сочинение есть то, коего целию или действием бывает потрясение правил, на коих основано счастье общественное или человеческое достоинство. Стихотворения, коих цель горячить воображение любострастными описаниями, унижают поэзию, превращая ее... в отвратительную...» (7;188). Приложите это определение к сегодняшним ТВ, книгам, – все безнравственно! В другом месте поэт говорит прямо: "Безнравственные книги суть те, которые... проповедуют разврат" (7;639). Не принимать меры с нашей стороны – преступно. Логика Пушкина такова: "Увидя разбойника, заносящего нож на свою жертву, ужели вы будете спокойно ждать совершения убийства, чтоб вправе судить преступника!" Сегодня этот нож занесен в каждом доме, и все спокойно ждут, беспомощно наблюдая, как справа и слева в этой невидимой войне падают убитые молодые соотечественники...

"И честные и добрые писатели были тому причиною!" (7;204-205), – делает вывод Пушкин.

Вот и сегодня наши убийцы – во фраках, "честные и добрые", а не ужасные монголы на конях. Их оружие – перо и экран. Их опора – чернь. Они побеждают. Удивляет "молчание ягнят". Но мы не отчаиваемся: с нами Бог. И склоняющий перед Творцом свою кудрявую голову русский поэт Пушкин. Демократы ненавидели Пушкина, в итоге просто убив его за это. Уже Д.И.Писарев предлагал забыть Пушкина, издеваясь над "маленьким и миленьким Пушкиным", "бряцателем", "стиходелателем", даже "кретином", который посвящает нас "в печальные тайны своей внутренней пустоты, своей духовной нищеты и своего умственного безсилия". И это объяснимо, ведь поэт не жаловал их хваленой демократии, вот они в безсильной злобе и набрасывались на него.

Но речь не о Пушкине – он свой выбор сделал. Речь всегда о нас. Кто же мы с вами, потомки Пушкина или последователи Авраама Линкольна? Н.Лобастов, редактор газеты «Свет Православия» Нижегородской области (по материалам готовящейся к изданию книги «Путь Домой. Взгляд православного учителя на школьную программу по литературе XIX века»